

Ф. Б. Митчем

БРОШЕННЫЙ ребенок

В поисках надежды и дома

2-е издание, исправленное

Брошенный

Смутные, расплывчатые образы составляют большую часть моих воспоминаний раннего детства. Но одно из них врезалось в память.

Страх навсегда запечатлел случившееся в мозгу трехлетнего ребенка.

Мы с матерью стоим перед высоким зданием. Груды снега сметены к обочине тротуара.

— Ну же, Робби, — сердится мать, таща меня за собой по ступеням, ведущим к входной двери. — Нас ждут.

Мы ненадолго остаемся в какой-то незнакомой мне спальне. Я не знаю зачем. Проснувшись среди ночи, я начинаю хныкать, пугаясь зловещих теней и шорохов. Мать шикает на меня.

Нас будит громкий звонок. Сияет солнце, страшные тени исчезли. Незнакомые шорохи прошлой ночи сменяются шумом беготни и смеха.

Мы завтракаем в просторной комнате, наполненной большим количеством детей, но они, кажется, не замечают нас. Когда завтрак

съеден, мать ведет меня по лестнице на второй этаж. Нас встречает безымянная дама в длинном темном платье.

— Почему бы тебе не пойти туда и не поиграть? — говорит она, указывая в угол, где какой-то мальчик складывает кубики.

Я не двигаюсь с места.

— Делай, что тебе велят, Робби! — приказывает мать.

Вцепившись в ногу матери, я колеблюсь. Оторвав от себя мою руку, она тащит меня к игрушкам. Мать толкает меня, и я шлепаюсь на пол лицом к мальчику.

Я тянусь за кубиком, но мальчик хватает его первым. Обеими руками он сгребает к себе все игрушки, и я оборачиваюсь к маме, чтобы пожаловаться. Но мамы нет, я вижу лишь незнакомую мне женщину.

Мама ушла.

— Робби, твоей маме пришлось отправиться в больницу, — говорит женщина. — Она уехала на поезде в Чикаго, но обязательно навестит тебя, когда поправится.

Ее губы продолжают шевелиться, но я не слышу слов. Когда наконец до меня доходит, что мать бросила меня, я начинаю хныкать.

— Прекрати, Робби, — приказывает женщина. — Займись игрушками.

— Я хочу к маме! — кричу я. — Я хочу к папе. Я хочу к бабушке Джиджи. Я хочу домой!

Крики превращаются в громкие рыдания, когда я бегу к двери. Я пытаюсь открыть ее, но не могу повернуть ручку.

— Прекрати плакать, Робби, или я отшлепаю тебя! — предупреждает женщина.

— Я хочу домой! Я хочу домой! — надрываюсь я, бросаясь на пол и колотя ногами.

Моя истерика выводит женщину из себя. Рывком подняв меня с пола, она шлепает меня снова и снова. Наконец, стиснув зубы, я сдерживаю рвущиеся изнутри рыдания. Она перестает меня лупить, но я продолжаю хлюпать носом.

В ту ночь прочие обитатели приюта игнорируют меня.

Утром я просыпаюсь в мокрой постели. И все та же женщина ругает меня. После завтрака она застилает мой матрас коричневой клеенкой и такую же кладет сверху. Она заставляет меня лежать между клеенками все утро. Мне становится жарко. При малейшем движении клеенки скрипят.

— Малышка-ссыкунишка, — дразнят меня какие-то мальчики. — А новенький-то — малышка-ссыкунишка.

Мне стыдно, но я слишком напуган, чтобы ответить им.

Скрип коричневых клеенок заклеил меня как неудачника, не такого, как все. Отличающегося от других обитателей сиротского приюта, где меня бросила мать.

В последующие недели и месяцы я ничего не слышал о матери, но получил весточку от бабушки Джиджи.

Я не знаю, как и когда она узнала о моем местонахождении. Но узнав, бабушка каждую субботу приезжала на поезде из Чикаго, чтобы навестить меня в маленьком фермерском городке Принстон штата Иллинойс.

Джиджи было за шестьдесят. Она была разведена, бедна и жила одиноко в крошечной квартирке, работая продавщицей в «Маршалл филд», крупном супермаркете в центре города. Моя мать, Джойс Митчелл, была ее единственной дочерью, а я — единственным внуком.

Навещать меня Джиджи было очень непросто. Рано утром ей приходилось пройти пешком четыре квартала по Ридж-булевард — от своей квартиры в северной части города до Ховард-стрит. Потом сесть на автобус, идущий до станции Ховард, чтобы попасть на поезд, курсирующий по красной ветке. На станции Белмонт Джиджи пересаживалась на фиолетовую ветку до города Куинси в округе Адамс, после чего шагала несколько протяженных кварталов до

станции Юнион. Там садилась на поезд, известный как «Калифорнийский зефир», и два часа ехала до Принстона. Прибыв в город около десяти часов утра, она проходила пешком еще пять кварталов до сиротского приюта «Завет».

Когда Джиджи наконец видела меня, она опускалась на колени и ждала, пока я подбегу к ней. Каким-то образом ей удавалось не упасть после того, как я на полной скорости бросался в ее объятия. Обнимая бабулю, я чувствовал, что от нее приятно пахнет. Она всегда выглядела настоящей леди — в скромном, но элегантном платье, выгодно подчеркивающим ее довольно стройную фигуру. Еще я помню серьги, ожерелье, нейлоновые чулки, туфли на каблуках и шляпку, из-под которой виднелись коротко стриженные темные кудри.

«Что новенького ты узнал с тех пор, как мы виделись в последний раз?» — всегда спрашивала она. Я рассказывал ей обо всем, что только мог вспомнить, а потом с гордостью тянул бабушку к игровой площадке, чтобы показать последнее из моих достижений.

Меня переполняла гордость, когда она говорила «привет» другим мальчикам и обращалась к ним по имени. Дети вроде нас чувствуют свою значимость, если кто-нибудь помнит, как их зовут.

Ближе к полудню мы с Джиджи шли в небольшую закусочную поблизости. Она заказывала кофе, но редко обедала сама. Позволив мне заглянуть в меню, она предлагала: «Как насчет гамбургера и большого стакана молока? А на десерт мы закажем мороженое». Это всегда приводило меня в отличное настроение.

Но два часа пополудни наступали слишком быстро. Джиджи была вынуждена прощаться и уходить, чтобы успеть на трехчасовой поезд, увозивший ее обратно в Чикаго.

— Джиджи, возьми меня с собой, — умолял я. — Пожалуйста, Джиджи, ну, пожалуйста, возьми меня с собой!

Тогда она снова опускалась на колени и со слезами на глазах повторяла то, что говорила всегда:

— Робби, дорогой, драгоценный мой мальчик! Прости, я не могу взять тебя с собой. Мне так жаль, что твои родители слишком больны, чтобы заботиться о тебе. Помни, я люблю тебя, и моя любовь всегда будет с тобой.

Я не понимал, что она хотела сказать. Я знал лишь одно: каждую субботу с появлением бабушки я купался в ее любви, а с ее уходом чувствовал себя опустошенным и одиноким.

Стоя на пороге сиротского приюта, я смотрел ей вслед. Скрестив руки на груди и спрятав ладони под мышками, я слегка раскачивался из стороны в сторону.

«Почему бы тебе не взять меня к себе домой? — плакал я про себя. — Я буду хорошим мальчиком, Джиджи. Обещаю. И есть я буду совсем немного! Пожалуйста, не оставляй меня здесь».

Вскоре она скрывалась из затуманенного слезами поля зрения. И единственный, кто мог обнять меня, был... я сам.

2

МАЛЬЧИКИ младшего возраста

Не помню точно, сколько месяцев прошло, прежде чем я перестал просыпаться в мокрой постели, но от клеенок я избавился незадолго до появления Нолы. Наша новая двадцатидевятилетняя незамужняя воспитательница была рассудительной женщиной с широкой улыбкой и искрящимися радостью глазами.

Она носила простые длинные платья или блузки с бриджами, очки в оправе «кошачий глаз». Отсутствие ювелирных украшений и короткая стрижка на темных волнистых волосах завершали образ. На вопрос, почему стрижка, Нола отвечала, смеясь: «Нет времени возиться и с волосами, и с дюжиной юных шалопаяв сразу!» Я влюбился в нее!

Чуть что, Нола принималась смеяться и обниматься. Она могла и отшлепать нас, но только за дело и любя. Неизменная душевная теплота этой молодой женщины частично заполнила пустоту в моем сердце.

Это позволило мне сосредоточиться на знакомстве с новым окружением.

Сиротский приют «Завет» занимал восемь гектаров площади на северо-восточной окраине Принстона. С одной стороны он граничил с полями кукурузы и соевых бобов, а с другой — с выгоном для скота.

В главном здании располагались общие спальни, кабинеты сотрудников приюта, столовая и гостиная для посетителей, в здании меньшего размера на первом этаже была оборудована прачечная, а в подвале — котельная. Амбар, курятник и огороды разместились чуть дальше.

На безопасном удалении от Элм-стрит находилась огромная игровая площадка с большими качелями, каруселью, площадками для игры в тетербол*, баскетбол, горками и бейсбольным полем. Я был очарован огромным детским городком с гимнастическими кольцами, турником, шестами для спуска и высокими лесенками. Но мне не доставало храбрости, чтобы вскарабкаться на такую высоту.

Обитатели приюта делились на четыре группы: мальчиков младшего возраста, девочек младшего возраста, мальчиков старшего возраста и девочек старшего возраста. Второй этаж меньшего здания был отведен под спальни мальчиков старшего возраста; третий этаж главного здания занимали девочки старшего и младшего возраста, а мальчики младшего возраста размещались на втором этаже.

Группа мальчиков младшего возраста насчитывала от восьми до шестнадцати детей в возрасте до десяти лет. В помещении Нолы, располагавшемся на отведенном нам этаже, имелись небольшая личная спальня и ванная комната.

В нашей ванной не было ничего личного. Всех предметов в ней было по два, и все было белым: выкрашенные белой краской деревянные кабинки с белыми унитазами, выложенный белой керамической плиткой пол, белые чугунные ванны и белые раковины, для удобства малышей установленные невысоко от пола.

* Тетербол — игра в мяч, висящий на веревке, конец которой привязан к высокому шесту. Цель игры — закрутить мяч вокруг шеста в сторону соперника. Играть могут два или четыре человека. — *Примеч. ред.*

У нас была большая гостиная с застланным ковровым полом, двумя длинными массивными диванами, парой прочных стульев и парой больших столов для выполнения домашних заданий, рисования и игр. На превосходившем меня размерами коричневом телевизоре стояла комнатная угловая антенна, позволявшая принимать несколько телеканалов.

Во всех четырех наших спальнях на покрытом черным линолеумом полу стояли черные чугунные односпальные кровати. В одной комнате три кровати, в другой пять и по четыре кровати еще в двух спальнях.

В каждой комнате имелся дубовый комод с несколькими выдвижными ящиками. У каждого мальчика был подходящий ему по росту ящик, который он называл своим. Мой ящик был нижним; в три года я был меньше всех ростом.

Я узнал, что ящики предназначались для хранения тайных сокровищ. Даже заглянуть одним глазком в ящик другого мальчика означало получить взбучку от каждого из жильцов комнаты. В моем ящике в основном хранились красивые камушки и перышки, подобранные мной на игровой площадке. Минимум раз в день я проверял их сохранность. Но некоторые мальчики вообще никогда не заглядывали в свои ящики.

Следить за людьми было сложнее. Поскольку дети постоянно то поступали в приют, то покидали его, не хватало времени с кем-нибудь подружиться. Кто-то оставался на день или два. Кто-то задерживался на несколько месяцев или дольше. Нередко вновь прибывшие были озлоблены, смущены и расстроены.

Все это не способствовало нашему сплочению. Мы жили в окружении множества детей, но каждый из нас был страшно одинок.

Принимая во внимание прошлое своих подопечных, сотрудники приюта пытались справиться с разнообразием их эмоциональных проявлений. Для сохранения порядка были установлены строгие правила и поддерживался воспроизводимый изо дня в день уклад жизни.

Например, по утрам никому не позволялось вставать с постели, пока не прозвенит звонок. Мы могли сидеть, разговаривать, свешивать ноги с кровати, но не могли встать на пол. Неприятности были неизбежны, если, проходя мимо одной из наших комнат, Нола замечала, как чей-то палец коснулся пола, прежде чем раздался звонок.

Он звенел ровно в семь утра, и тотчас все мальчишеские спальни приходили в движение. Мы вскакивали с кроватей и быстро заправляли их в строгом соответствии с требованиями Нолы. А потом устремлялись в ванную комнату, где, приплясывая, дожидались своей очереди к одному из двух унитазов.

Мы чистили зубы и умывались по двое, а то и по трое возле одной раковины, а затем спешили одеться. Это было то еще зрелище, когда от восьми до шестнадцати мальчишек сломя голову неслись в раздевалку и, толкаясь, натягивали на себя комплект одежды, приготовленный Нолой на этот день и аккуратно сложенный на полу перед каждым шкафчиком.

Собственно, это были не шкафчики, а деревянные ниши в стене цвета горохового супа. Такие широкие и глубокие, что в них можно было залезть и спрятаться за одеждой. По какой-то причине дно шкафчиков было поднято над полом, так что в образовавшемся углублении помещалась одна-две пары обуви. Поскольку гардероб многих обитателей приюта при поступлении ограничивался лишь тем, во что они были одеты, в шкафчиках почти отсутствовали личные вещи.

Большая часть нашей одежды была подарена приюту местными жителями, чьи дети из нее выросли, или пожертвована магазинами и церковными общинами. Мальчики младшего возраста носили либо рубашки из фланелевой шотландки, либо белые футболки. Брюки редко подходили нам по размеру, поэтому почти все мы носили подтяжки, чтобы они не сваливались. И каждому из нас Нола самолично подворачивала слишком длинные штанины.

Закончив одеваться, это разношерстное сборище строилось в шеренгу, пихаясь и толкаясь, и маршировало за Нолой на первый

этаж в столовую на завтрак, который всегда накрывали в 7:30. Любой прием пищи был скорее официальной процедурой, нежели дружескими посиделками. Большинство мальчишек сметали содержимое тарелок за пять минут, но почему-то были обязаны сидеть за столом не менее десяти минут.

После завтрака школьников средних и старших классов уродливый желтый автобус с огромной надписью «Сиротский приют „Завет“» отвозил в принстонскую муниципальную школу. Дугласовская начальная школа располагалась всего в двух кварталах от приюта, поэтому кто-нибудь из персонала отводил малышей туда и забирал обратно.

Как самый младший воспитанник приюта, я не посещал школу. Мне нравилось, когда Нола безраздельно принадлежала исключительно мне. Следуя за ней по пятам, словно игривый щенок золотистой масти, я помогал ей сортировать грязную одежду, прежде чем отнести ее в прачечную. Обычно Нола клала в наволочку несколько вещей, и я с гордостью тащил это добро по лестнице, за дверь, через баскетбольную площадку, вверх по еще одной лестнице в прачечную со множеством больших стиральных машин и сушилок.

Не желая, чтобы я топтался по усыпанному текстильной пылью полу, и оберегая от неприятностей, Нола сажала меня на стол, откуда я мог наблюдать за работой персонала прачечной, стирающего одежду и простыни для шестидесяти детей и сотрудников приюта. Среди них всегда присутствовали женщины-добровольцы из местной христианской общины «Церковь завета», называвшие себя «заветными сестрами». Я наблюдал, как они вытаскивали охапки еще горячей одежды и простыней из сушилок, загружали ими бельевые корзины на колесиках и катили их к длинным столам, где сортировали и складывали чистое белье.

Стирка не входила в обязанности воспитателей, но Нола настояла на возможности самой гладить наши воскресные рубашки. Когда ее спросили, почему она не доверяет это прачке, Нола дала исчерпы-

вающее объяснение: «Я вовсе не против. Но у некоторых мальчиков аллергия на крахмал, а другим, наоборот, нравится, когда их рубашки накрахмалены до хруста. Я же просто стараюсь каждому дать то, что ему нравится. Мне это совсем не сложно, а для них так важен индивидуальный подход, пусть и в такой мелочи, как выглаженная рубашка».

В дни, когда персонал прачечной бывал в хорошем настроении и почти вся работа уже была сделана, я, дождавшись, когда Нола отвернется, нырнул с головой в корзину чистых теплых простыней.

— Где ты, Робби? — шуточно волновалась она. — Куда он пропал? Боже милостивый! Где же этот мальчик?

Держа в руках ворох простыней, она притворялась, будто ищет меня, хотя шевелившаяся в корзине груда белья выдавала мои безуспешные попытки заглушить хихиканье. Наконец, схватив за лодыжки, она вытаскивала меня из корзины, а я, болтаясь вверх тормашками, визжал, как счастливый поросенок.

— Вот ты где, детка, — смеялась она с наигранным беспокойством. — Я уж думала, что никогда не найду тебя!

Потом другие мальчики возвращались из школы, и Нола больше не была только моей. С шумом врываясь в здание приюта, побросав учебники, мальчишки принимались уплетать приготовленные для них печенье и фруктовый сок. Кто-то шел играть, а кто-то приступал к выполнению хозяйственных обязанностей, пока Нола проверяла, что им задано на дом, и читала записки от учителей. После чего ей приходилось выговаривать одному-двум воспитанникам приюта либо за пререкание с учителем, либо за драку на школьной площадке.

В пять часов вечера, вымыв руки и лицо, мы маршировали в столовую. Стоя на расчерченном черно-красными квадратами линолеуме, примерно шестьдесят детей и шестеро взрослых молились, следуя заведенному ритуалу, перед каждым приемом пищи: «Великий Боже, Ты нас спас. Спасибо, что питаешь нас. Аминь». Хор голосов звучал громко, но своей монотонностью словно бы говорил: «Мы делали так уже тысячу раз».

После молитвы начиналась шумная суматоха. Мальчишки расталкивали друг друга локтями или корчили гримасы девочкам. Скрипели отодвигаемые от столов стулья. Все, что было в моих силах, — это с трудом отодвинуть тяжелый дубовый стул от стола, вскарабкаться на него и там застрять. Расстроенный и смущенный — поскольку я был слишком мал, чтобы придвинуть мой стул к столу, — я ждал, когда подойдет Нола и поможет мне.

Когда уже я подрасту, чтобы справляться с этим самостоятельно? Или, еще лучше, подражая мальчикам постарше, смогу перебрасывать ногу через спинку стула и плюхаться на сиденье, словно запрыгивающий в седло ковбой?

После ужина все шло по заведенному распорядку. Старшие мальчишки отправлялись в свои комнаты выполнять домашнее задание, а Нола готовила нас, малышей, ко сну. Если это был вечер среды или субботы, то нас ждала еще и ванна. Мы недовольно ворчали, считая, что мыться два раза в неделю — это слишком.

Но все наши жалобы были напрасны: Нола полагала, что призвана заботиться о нас. Имея в распоряжении всего две ванны для своей вырывающейся из рук оравы, она должна была отмыть шестерых, прежде чем сменить воду. А это значило, что мылись мы по двое в одной ванной. Первая пара действительно мылась, вторая становилась чуточку чище, а третья просто резвилась в грязной воде.

К семи часам вечера мы были уже в пижамах, и Нола собирала нас в гостиной, словно насадка цыплят. Это было время библейских историй.

Садясь в центре массивного дубового дивана в углу комнаты, Нола обнимала меня, прижимая поближе к себе, и приглашала самых маленьких присоединиться к нам. Старшие устраивались на полу — сидя со скрещенными ногами или растянувшись на животе. Нола требовала абсолютной тишины и внимания, пресекая любые разговоры. Я мало что знал о Библии, но ощущал значимость момента.

Потом мы отправлялись спать. Нола преклоняла колени у каждой постели и шептала молитву, которую слышал лишь тот, о ком она в тот момент молилась. Потом целовала, желала спокойной ночи и говорила, что любит его.

Однажды, проснувшись среди ночи и шлепая босиком в туалет, я прошел мимо приоткрытой двери в маленькую спальню Нолы и услышал, как в своей негромкой молитве она перечисляет имена мальчиков. Когда я возвращался назад, она окликнула меня:

— Смой за собой, Робби!

Я всегда поражался, как ей удавалось узнавать каждого из нас по шагам.

Проходя мимо ее двери в следующий раз, я остановился и постучал. Нола появилась в дверях в розовом фланелевом халате.

— Да? — сказала она с вопросительной интонацией.

— О чем вы молитесь? — спросил я. — Чтобы мы не баловались?

— Нет, Робби, — ответила она как ни в чем не бывало. — Я прошу Бога помочь мне в каждом из вас найти что-то, что можно было бы любить.

Я не знал, что ответить. И прежде чем я смог что-нибудь придумать, она подхватила меня и сжала в крепких объятиях. Неся меня в кровать, она шуточно прошептала:

— Хотя тебе может понадобиться *дополнительная* молитва о хорошем поведении!

С наступлением зимы еженедельные визиты Джиджи не прекратились. Заботливое внимание Нолы также приносило свои плоды.

Но чувство одиночества не исчезло.

Я мало знал о жизни «нормальных» детей, но страстно желал покинуть приют, чтобы жить дома вместе с семьей.

Год растянулся на два, а я так ничего и не услышал от матери. Теперь она стала для меня не более чем воспоминанием.

Все изменилось совершенно неожиданно. Женщина, бросившая меня с незнакомцами, вернулась. Она принесла с собой хаос.

3

ТОРНАДО

Э то было в 1959-м. Прошло почти два года с тех пор, как меня бросила мать. Мне было пять лет.

Однажды без каких-либо объяснений Нола привела меня в гостиную для посетителей. Там стояла мать.

Подбежав к ней, я прижался к ее ноге. *«Я отправлюсь домой! — возликовал я в душе. — Мама выписалась из больницы и приехала, чтобы забрать меня домой. Я еду домой!»*

— Привет, Робби, — произнесла она без всяких эмоций. — Как поживаешь?

Я не знал, что сказать. Она не склонилась ко мне, не обняла, как это делала Джиджи. Ухватив ее за руку, я сказал:

— Мамочка, пойдём на детскую площадку. Я покажу, как я умею качаться на качелях и лазать по лесенкам.

— Это все глупости, Робби, — холодно ответила она. — У нас есть куда более важное дело.

Чувствуя себя щенком, которого отшвырнули, я отпустил ее руку, повесил голову и закрыл рот.

— Мы едем обедать в город, — заявила мать.

Схватив меня за руку, она направилась к двери. Я не поспевал за ней, и она дернула меня, чтобы я не отставал.

Мы покинули территорию приюта и прошли несколько кварталов до ресторана.

Она говорила о том, чего я не понимал:

— Здесь слишком много иммигрантов. Следует отправить всех черных обратно на Юг. Пусть твоя чертова бабка Паулина возится с ними в Атланте. Она разрушила мою жизнь, испортив твоего отца. Она никогда не давала ему свободы, в которой он нуждался, а он так и не стал мужиком, чтобы дать ей отпор!

Мы шли и шли, пока она не нашла ресторан, в котором подавали пиво. Посетители ресторана курили и играли в бильярд.

Когда мы вернулись пропахшие табачным дымом, христиане-шведы, руководившие приютом, были недовольны. Нола молчала, но явно была расстроена.

— Этот ресторан — неподходящее место для маленького ребенка, миссис Митчелл. Пожалуйста, выберите любой другой, поблизости от приюта. Они славятся приятной семейной атмосферой. Или можете воспользоваться нашей уютской столовой, — произнесла воспитательница сквозь зубы.

— Я мать и сама знаю, что ему лучше, — выпалила моя мать. И тут же огласила целый список требований: — Обеспечьте его специальными подушками. Никаких шерстяных одеял. И кормите в строгом соответствии с диетой, которую я написала на этом листе.

Нола покачивала головой, а затем кивком молча приняла все ее требования.

— Когда он начнет посещать подготовительный класс, пусть его отвезут и забирают на такси. Никаких спортивных секций. — Пошарив в кармане, она извлекла из него еще один листок бумаги. — И вот несколько стихов из Библии, которые он должен выучить наизусть к моему возвращению!

«Когда же мы поедем домой? — думал я. — Хватит уже разговаривать с Нолой, пойдем скорее. Мы можем успеть на поезд, на котором ездит Джиджи».

Мать резко повернулась ко мне и объявила:

— Мне пора!

Не обняв и не поцеловав меня на прощанье, она развернулась и, быстро спустившись по лестнице к входной двери, направилась к железнодорожной станции.

«Ты бросаешь меня? Снова?»

Ни слов, ни слез у меня больше не было. Ошеломленный, я поднял взгляд на Нолу. Она осторожно взяла меня за руку, и мы молча вернулись в нашу гостиную.

Несколько дней я ни с кем не разговаривал и не играл. Я забился в самый дальний угол игровой площадки, где, уставившись в одну точку, размышлял, долго ли мать намерена так себя вести. Другие воспитанники приюта не беспокоили меня. Дети вроде нас чувствуют, когда кому-то необходимо побыть одному.

Это был не последний внезапный визит матери. В течение последующих двух лет подобные сцены повторялись снова и снова.

Ее беспорядочные набеги напоминали своей разрушительностью торнадо. Поскольку она никогда не звонила заранее, чтобы уведомить о своем приезде, Ноле порой требовалось некоторое время, чтобы привести меня в гостиную для посетителей. А когда мы появлялись, мать кричала на Нолу, обвиняя ее и других сотрудников приюта в том, что они прячут сына от матери.

Во время этих гневных тирад мое сердце покрывалось коркой льда, поскольку я видел, что абсолютно безразличен матери. Потом она тащила меня на тот же обед, в тот же самый прокуренный бильярдный зал, заставляя выслушивать те же самые причитания.

И всякий раз она исчезала, оставляя меня в приюте.

«Может, на этот раз все будет иначе, — твердил я себе. — Может, она больше не станет сердиться и кричать на Нолу. Может, она

найдет хорошую работу и сможет забрать меня домой. Может, мы снова станем семьей».

Но каждый ее визит приносил новое разочарование. Мне требовалось несколько дней, чтобы как-то справиться с душевной болью.

Теперь штатный соцработник проводил со мной больше времени. Он пытался помочь мне открыть перед ним или Нолой мои мысли и чувства. Но все, что я мог сказать, было: «У меня болит сердце. Мне очень плохо».

Вскоре я перестал называть мать «мамочкой». Это было непросто. Я хотел, чтобы она любила меня. Но я решил, что «мамочкой» называют женщину, которая укладывает тебя спать, бережет тебя и заботится о тебе. Мамочка — это кто-то, кем ты гордишься.

Моя мать никогда не была для меня мамочкой.

— Почему она не похожа на других матерей? — иногда спрашивал я Нолу. — Почему она кричит и ругается на тебя? Это плохо!

Нола была немногословна, но я продолжал расспрашивать ее:

— Почему от нее так скверно пахнет? Я действительно обязан с ней обедать? Она только курит, пьет кофе и говорит о том, чего я не понимаю. — Нола слушала и кивала, позволяя мне выговориться. — Нола, в отличие от тебя и Джиджи она никогда не интересуется, во что я умею играть. Почему я ей не нравлюсь?

И когда Нола решила, что я уже достаточно выговорился, она тихо сказала:

— Твоя мама больна, Робби. Ты не виноват в том, что вынужден жить здесь. Проблема не в тебе.

— Чем больна? Почему врачи не могут ее вылечить?

Нола оставляла этот вопрос без ответа. Но иногда она опускалась передо мной на колени и, притянув к себе, крепко-крепко обнимала.

— Здесь ты в безопасности, Робби, — шептала она. — Помни, что я люблю тебя и Бог любит тебя.

Уткнувшись головой в ее плечо и наслаждаясь теплотой ее объятий, я думал: «Почему Бог не сделал мою мать похожей на Нолу?»

Содержание

Правдива ли эта история?	5
1. Брошенный	9
2. Мальчики младшего возраста	14
3. Торнадо	22
4. Другой	26
5. Похищенный	34
6. Врачи	46
7. Подарок Джиджи	52
8. Выбор	56
9. Атланта	62
10. Найдется ли местечко?	71
11. Почему?	80
12. Финансовая независимость	88
13. Встреча	94
14. Несколько хороших парней	101
15. Бунтарь	109
16. Время потерь	115
17. Спасатель	121
18. Ты действительно существуешь?	126

19. Новое начало.....	133
20. Студент-первокурсник.....	143
21. Дом	147
22. Откровение	153
23. В Африке	161
24. Простить?.....	172
25. Паулина.....	177
26. Отец	182
27. Мать	190
28. Потерянные мальчики.....	197
29. Знакомство со Сюзен	202
30. Взаимоотношения	210
31. Обособленный.....	215
32. Страх завести семью	219
33. Круг замкнулся	225
Эпилог	232
Примечание для преподавателей.....	237
Вопросы для обсуждения книги	239
Благодарность	252